

Т. IX

15 АПРѢЛЯ 1886 г.

№ 12

НОВЬ

ИСТОРИЯ КАРТОЧНОЙ ИГРЫ

В. Р. ЗОТОВА

I

Вступленіе. — Серьезные вопросы по поводу мелкаго предмета. — Значеніе игры для человѣка. — Трудъ и от-
дыхъ. — Влияніе на общественную жизнь. — Новый видъ
преступлений, созданный картами. — Ошибочная мнѣнія о
происхожденіи картъ. — Статистическая цифры. — Индий-
скія карты. — Карты въ Китаѣ. — Чѣмъ замѣнялись карты
въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка. — Эпоха появленія
картъ въ Европѣ. — Наибы. — Первые карты въ Испаніи,
Франціи, Италии, Германіи.

Чему болѣе склоненъ человѣкъ — къ дѣлу или бездѣлю? что болѣе занимаетъ мѣсто въ жизни его — серьезный трудъ или забава? Философія еще не рѣшила этого вопроса, какъ и

другихъ болѣе общихъ вопросовъ — о назна-
ченіи человѣка, о цѣли жизни. Для многихъ
эта жизнь, какъ въ былыя историческія эпо-
хи, — юдолъ плача и страданій, мѣсто упор-
ной борьбы за существованіе; для избран-
ныхъ — мѣсто злачное, гдѣ веселье — глав-

ная цѣль этого существованія. Но между
вѣчно работающими и между пользую-
щимися этою работою огромное большин-
ство, «золотая середина», никакъ не тре-
буетъ «права на трудъ», а скорѣе готово
принять на себя обязанность ничего не
дѣлать. Къ этому послѣднему занятію при-
глашаетъ ихъ сама природа, требующая
отдохновенія послѣ труда, а чѣму-же луч-
ше посвятить часы досуга, какъ не заба-
вамъ, какъ-бы пусты и ничтожны ни ка-
зались онѣ человѣку, серьезно смотрящему
на жизнь. Ребенокъ играетъ съ первыхъ
годовъ своего появленія на свѣтѣ. Значе-
ніе игръ въ первомъ возрастѣ такъ вели-
ко, что на нихъ педагоги строятъ цѣли
системы умственнаго развитія дѣтей. Но
слѣдуетъ ли заниматься играми въ моло-
дые годы, въ зрѣлыхъ лѣтахъ или подъ ста-
ростъ? Вопросъ этотъ большинствомъ рѣ-
шается въ положительному смыслѣ. Кромѣ
сна, отдыха абсолютного, человѣку необ-
ходимъ отдыхъ отъ его постоянныхъ физи-
ческихъ или умственныхъ занятій. Пере-
несеніе мозговой дѣятельности на разно-
образные предметы дѣйствуетъ благотвор-
но на ея развитіе. Нѣть сомнѣнія, что
именно въ минуты отдыха изобрѣтены всѣ

игры, которымъ съ древнейшихъ временъ предавалось человѣчество: кости, шашки, шахматы, домино, карты. Изъ нихъ влияние картъ на общественную жизнь было всего важнѣе и, надобно признаться, все-го пагубнѣе, потому что посредствомъ ихъ распространялась другая, болѣе предосудительная страсть — уже не къ забавѣ, какъ развлечению, а къ наживѣ, къ пріобрѣтенію, и, вслѣдствіе этого, нерѣдко приводившая къ обманамъ, погибели, преступленіямъ. Карты создали особое сословіе въ обществѣ — игроковъ, особый видъ мошенничества — шулерство. Не всѣ игроки, конечно, шулера, но всѣ они одинаково достойны сожалѣнія, потому что если не разоряются сами, то разоряютъ другихъ и нерѣдко забываютъ, въ увлечениіи игрока, всѣ человѣческія чувства.

Распространеніе карточной игры во всѣхъ слояхъ общества давно обратило на нее вниманіе мыслителей, законодателей, экономистовъ. Разрисованные кусочки картона имѣютъ такое значеніе въ современной жизни, что любопытно было прослѣдить исторію ихъ постепенного развитія, отъ эпохи ихъ первоначального появленія до нашего времени. А между тѣмъ, не зотря на долгія, тщательныя изысканія, исторія эта считается «покрытою мракомъ неизвѣстности», какъ и многія болѣе серьезныя стороны въ исторіи человѣчества.

Существовавшее еще недавно мнѣніе, что карты изобрѣтены во Франціи для забавы полумнаго Карла VI — или, какъ выражается на вѣрноподданническомъ языкѣ Шатобранъ, «для облегченія злополучій pour soulager l'adversit e) его величества, — опровергнуто новѣйшими изслѣдованіями, доказавшими, что карты еще раньше были извѣстны въ Европѣ. Но откуда и въ какую страну проникли онѣ изъ Азіи, где вѣроятно появились впервые, — объ этомъ неѣ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Музеи и библіотеки Европы сохранили нѣсколько этихъ карточныхъ листковъ, начиная съ XIV вѣка; ихъ изучали, описывали многіе писатели; о происхожденіи и распространеніи картъ написаны цѣлые томы диссертаций, — но все это, большею частью, только предположенія, догадки, и

надо ждать дальнѣйшихъ поисковъ въ древле- и книго-хранилищахъ, чтобы сказать что-нибудь рѣшительное о времени появленія картъ въ какой-либо странѣ и постепенныхъ измѣненіяхъ, какимъ онѣ подвергались въ разныя эпохи. Но мы думаемъ, что настоящее положеніе этого вопроса, на основаніи послѣднихъ изысканій, не можетъ не интересовать мыслителя и свѣтскаго человѣка. Представить въ краткомъ очеркѣ сводъ этихъ изысканій побуждаютъ насъ и жалобы моралистовъ, и недоумѣнія историковъ, и цифры статистики. Нельзя не остановиться, напримѣръ, хоть надъ такими цифрами, какъ 137 миллионовъ франковъ, проигранныхъ, по свидѣтельству контроля, въ игорныхъ домахъ одного Парижа, въ теченіе 19-ти лѣтъ (съ 1819 года, когда эти дома были официально разрѣшены, до 1837 года, когда они были окончательно закрыты), или надъ цифрами въ 1.337,678 колодъ картъ, выдѣланныхъ въ томъ-же Парижѣ въ 1847 году 17-ю фабриками, и въ 5.555,807 колодъ, изготовленныхъ въ 1883 году.

Отвергнувъ гипотезу о европейскомъ происхожденіи картъ, начали отыскивать ихъ въ Индіи, куда двинулись первыя арійскія племена въ то время, когда ихъ соотчики еще не переселялись въ Европу. Въ музеяхъ хранятся карты, рисованные на пластинкахъ, выпиленныхъ изъ слоновой кости или раковинъ. Онѣ квадратныя, круглыя, осьмиугольныя и представляютъ подражаніе фигурамъ шахматной игры. Въ индійскихъ картахъ восемь мастей или армій, отличающихся одна отъ другой различными эмблемами и цвѣтомъ; въ каждой масти 12 картъ, главная изъ нихъ: король (шахъ), визирь или генераль (ферзь, превратившійся впослѣдствіи въ даму или королеву), всадникъ или конь (аспен-суаръ), слонъ или офицеръ (филь) и дромадеръ (рохъ, впослѣдствіи башня). Игра представляла подобіе войны, какъ и шахматы, и состояла въ защитѣ короля всѣми остальными фигурами и простыми солдатами (пѣшками или нумерованными картами) его масти. Но рисунокъ этихъ картъ — персидскаго, а не

индійского стиля, и круглыя карты изъ Индостана рисованы на китайской лакированной холстинной kleenekѣ. Ясно, что ни тѣ, ни другія не могутъ быть оригинальными, первобытными картами. Распространеніе ихъ приписываютъ цыганамъ, потому что нынѣшніе цыганы гадаютъ на картахъ; но этотъ родъ гаданія изобрѣтены уже въ послѣднее время и не употреблялся въ Индіи. Страсть къ игрѣ была развита и тамъ, но владѣтель Нишады, въ поэмѣ «Наль и Дамаянти», проигрываетъ свою жену и царство — въ кости, а не въ карты. Вѣроятнѣе предположеніе, что карты изобрѣтены въ Китаѣ.

Въ словарѣ Чинг-цзе-Тунга, сдѣлавшемся извѣстнымъ Европѣ въ 1678 году, говорится, что карты были изобрѣтены въ 1120 году, въ царствованіе Сеун-го, и печатались съ деревянныхъ дощечекъ по способу Фун-Тау, который изобрѣлъ рѣзьбу на деревѣ еще въ Х вѣкѣ нашей эры. Въ царствованіе Кау-Цунга, взошедшаго на престолъ въ 1132 году, карты были уже въ Китаѣ въ повсемѣстномъ употреблении. Но игры, похожія на карты, были извѣстны и древнимъ восточнымъ народамъ. Платонъ въ своемъ «Федре» говоритъ, что египетскій богъ Тотъ научилъ людей ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи и двумъ видамъ игръ: одна состояла въ бросаніи костей, въ другую играли черепками, на которыхъ были вырѣзаны цифры. Первую игру римляне называли alea, послѣднюю — calculi.

Цицеронъ говорить, что во время осады Трои Паламедъ и Пирръ изобрѣли особыя лагерные игры (castrenses), которыми разгоняли скучу долгаго стоянія подъ городомъ. Геродотъ разсказываетъ, что лидійцы во время голода въ ихъ странѣ, изобрѣли нѣсколько игръ, между которыми были и тессеры — черепки съ различными знаками. У Плавта и послѣдующихъ писателей упоминается о костяныхъ или деревянныхъ дощечкахъ, украшенныхъ фигурами и эмблемами (tabulae sigillatae). Св. Киприанъ, въ трактатѣ «de aleatoribus», говоритъ, что духъ зла внушилъ изображеніемъ демоновъ. Турнебій, комментируя это мѣсто, объясняетъ, что на игральныхъ костяхъ не только рисовались, но и вырѣзывались рельефомъ Геркулесъ и Венера съ собакою, коршуномъ и др. Въ эпоху крестовыхъ походовъ карты уже были извѣстны въ Европѣ. Крестоносцы заимствовали ихъ у арабовъ, но постановленія синодовъ и королевскихъ судовъ, запрещая азартныя игры, не называютъ въ ихъ числѣ картъ. Въ 1240 году уорчестерскій синодъ за-

A: IVPIITER XXXXVI 4
КАРТА-ЮПІТЕРЪ ИЗЪ ДРЕВНІЙШЕЙ ИТАЛЬЯНСК. КОЛОДЫ
1485 ГОДА

прещаетъ духовенству играть «въ короля и королеву» (Ne sustineant ludos fieri de regis et regina). Ученый Дюканжъ относилъ эти слова къ игрѣ въ карты, что очень сомнительно. Запрещеніе это могло просто относиться къ ношенню въ играхъ королевскаго наряда. Марко Поло, объѣхавшій въ 1272 году Персію, часть Средней Азіи и Ки-

тая, ничего не говорить о картахъ, хотя упоминаетъ о бумажныхъ деньгахъ, обращающихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; ассигнаціи эти представляли на корѣ тутового дерева извѣстные знаки и цифры, рисованные киноварью по черному полю.

Первая несомнѣнно историческая дата касательно появленія картъ въ Европѣ относится къ 1379 году. Итальянскій живописецъ Николо Кавелуццо вноситъ подъ этимъ годомъ въ хронику своего родного города слѣдующее извѣстіе: «Введена въ Витербо игра въ карты, происходящая изъ страны Сарацинъ и называемая ими — наибъ (Fu recato in Viterbo il gioco delle carte che vienne de Seraciniа è chiamasi fra loro — naib.).» Въ чёмъ состояла эта игра — неизвѣстно, но она быстро распространилась по Европѣ: въ 1387 г. она уже была въ ходу въ Бургосѣ, въ 1392 г. въ Парижѣ, въ 1393 г. во Флоренціи, въ 1397 г. въ Ульмѣ, въ 1400 въ Миланѣ. Наибъ — по-арабски значить капитанъ, начальникъ, стало быть — это была игра военная, въ-родѣ шахматовъ; съ другой стороны, законъ Магомета строго запрещаетъ правовѣрнымъ изображать человѣческія фигуры, стало быть «наибы» не могли быть изобрѣтены арабами. Но игра эта такъ быстро привилась въ Испаніи, что уже въ 1387 году король Хуанъ I Кастильскій издалъ указъ, запрещавшій играть въ шашки, наипы и шахматы (игральные карты по-испански до нашего времени называются пайре). Въ архивахъ парижской счетной палаты сохранился слѣдующій счетъ королевскаго казначея. Чупара 1392 года: «Выдано Жакмену Гренгоннеру, живописцу, за три колоды картъ съ золотомъ и разными красками, украшенныхъ многими девизами, для игры государя короля и его забавы (son esbatement) 50 парижскихъ су». Въ слѣдующемъ году флорентійскій лѣтописецъ Джованни Морелли совѣтуетъ одному молодому человѣку не играть въ азартныя игры, какъ въ кости, а обратиться къ такимъ играмъ, въ какія играютъ дѣти: въ камушки, волчокъ, желѣзку (ferri — свайка?), наибы. Стало-быть, карты считались въ то время дѣтскою забавой. Этому противорѣчать,

однако, появившіяся четыре года спустя, строгіе указы, одновременно во Франціи и Германіи, относительно разнаго рода игръ: парижскій городской голова запретилъ ремесленникамъ играть въ мячи, шашки, кегли и карты — во всѣ дни, кроме праздниковъ (подобное же запрещеніе всякихъ игръ, появившееся 28 лѣтъ раньше, при Карлѣ V, о картахъ не упоминается).

Въ томъ же 1397 году магистратъ города Ульма точно также запретилъ игру въ карты, сильно распространившуюся въ среднемъ классѣ. Но что дѣйствительно она составляла забаву дѣтей, доказываетъ свидѣтельство Дезембріо, составившаго жизнеописаніе Филиппа-Маріи Висконти, сдѣлавшагося миланскимъ герцогомъ въ 1430 году. По словамъ бiографа, герцогъ въ молодости особенно любилъ игру въ карты (eo ludi genere, qui ex imaginibus depictis fit, in quo praecepsire delectatus est).

Таковы документальная извѣстія объ этихъ «разрисованныхъ изображеніяхъ». Они исполнялись въ то время отъ руки лучшими живописцами, и за одну такую колоду тотъ-же герцогъ Висконти заплатилъ 1500 золотыхъ червонцевъ; изображенные на ней боги, звѣри и птицы отличались, по свидѣтельству лѣтописи, удивительною тонкостью рисунка. Кроме этихъ свидѣтельствъ о приблизительной эпохѣ появленія картъ въ Европѣ, всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ болѣе отдаленному времени, слѣдуетъ признать неосновательными, хотя ихъ сообщали извѣстные писатели и ученыe, какъ аббатъ Риве, Пани, Чиконьяра, Зингерь, Янсенъ и др. Такъ въ статутахъ ордена Повязки, учрежденного королемъ Кастилии Альфонсомъ XI въ 1332 году, въ числѣ игръ, запрещенныхъ для кавалеровъ ордена, не упоминаются карты, хотя ихъ включилъ въ статутъ переводчикъ его и этотъ переводъ цитируютъ историки XVI вѣка. Такая же вставка сдѣлана въ XV столѣтіи въ трактатѣ Сандро ди-Пипадцо «объ управлѣніи семействомъ», появившійся въ 1299 году и осуждавшій азартныя игры. Петрапка, перечислившій въ своей книжѣ «De remediis utriusque fortunae» всѣ игры, бывшия въ употребленіи въ его время, не говоритъ ни слова о картахъ. Подобная

вставка включена переписчикомъ въ романъ «Renard le Contrefait», написанный въ 1341 году. Если Аретино, жившій полтора вѣка послѣ этой эпохи, говоритъ, что карты пережили столько поколѣній и видѣли на свѣтѣ то, чего не видало и солнце, — это не больше какъ поэтическая ги-пербола.

II

Быстрое распространеніе картъ въ XV вѣкѣ. — Карты на деревѣ и на мѣди. — Древнейшая карточная игра. — Тарокъ. — Итальянскія масти. — Говеніе на карты. — Святой Бернардинъ. — Чехи карточныхъ мастеровъ. — Запрещеніе ввоза картъ. — Карты Мантенъ. — Птоломеева система. — Маффе Вольтерранскій. — Карты миланскаго герцога. — Карты въ Испаніи. — Португальскія карты.

Начиная съ XV-го вѣка карты пріобрѣтаютъ гражданство во всей Европѣ: объ нихъ упоминаютъ при каждомъ перечисленіи азартныхъ игръ; ихъ вносятъ въ инвентари имущества королей и принцевъ; синоды и соборы запрещаютъ ихъ и предаютъ анаемѣ; то-же дѣлаютъ указы королей и бургомистровъ; проповѣдники ведутъ противъ нихъ постоянную войну. Между тѣмъ, онъ сильно распространяются въ торговлѣ; способы выѣзда ихъ улучшаются; ихъ гравируютъ на мѣди; первыя попытки искусства рѣзьбы на деревѣ посвящены картамъ; поэты и романсты говорятъ объ нихъ въ своихъ произведеніяхъ, и, несмотря на непрочность материала, изъ котораго приготавлялись эти листочки, въ музеяхъ сохранились многіе изъ нихъ, безспорно принадлежащіе XV вѣку.

Изобрѣтеніе древнейшей карточной игры — тарокъ принадлежитъ Италии. Въ это игрѣ, кроме четырехъ мастей, были еще 22 карты съ символическими фигурами. Въ одномъ изъ древнейшихъ дворцовъ Болоньи хранится портретъ пизанскаго властителя Франческо Фибіа, умершаго въ 1419 году. На портретѣ этомъ предводи-

тель болонскихъ войскъ представленъ во весь ростъ, держащимъ въ руки карты съ его гербомъ. Нѣсколько картъ лежитъ его ногъ. Подпись внизу портрета говоритъ, что Франческо, какъ изобрѣтатель игры «тарокино» (видоизмѣненный тарокъ) получилъ отъ болонскихъ старшинъ право выставлять свой гербъ на дамѣ изъ масти палокъ (bastoni), а гербъ своей жены, рожденной Бентиволіо, на масти монетъ (denari). Эти масти: палки, монеты, чаши (корре) и мечи (spade) замѣняли въ Италии французскія масти изобрѣтеної позже игры въ пикетъ: сердца, пики, трилистники и плитки. Въ короткое время страсть къ этой игрѣ тарокъ или тарокино такъ усилилась по всему полуострову, что св. Антоній во Флоренціи и св. Бернардинъ въ Сиенѣ стали сильно возставать противъ этого бѣсовскаго изобрѣтенія. На паперти церкви св. Петронія, 5-го мая 1423 года, Бернардинъ сказалъ такую пламенную рѣчь противъ азартныхъ игръ, что слушавшія его толпы народа, тронутыя краснорѣчіемъ проповѣдника, бросились по домамъ и тотчасъ-же принесли на площадь кости, шашки, карты, шахматы, сложили изъ нихъ костеръ и сожгли въ присутствіи главы республики. «Житія святыхъ», описывающія это аутодафе, не разсказываютъ его эпилога, приводимаго Бернини въ его «Исторіи ересей». Такъ какъ послѣ этой проповѣди никто не хотѣлъ больше играть въ карты, то выѣздавшій ихъ

КАРТА-ШУТЬ ИЗЪ ТОРОКОВОЙ КОЛОДЫ 1413—1418 г.

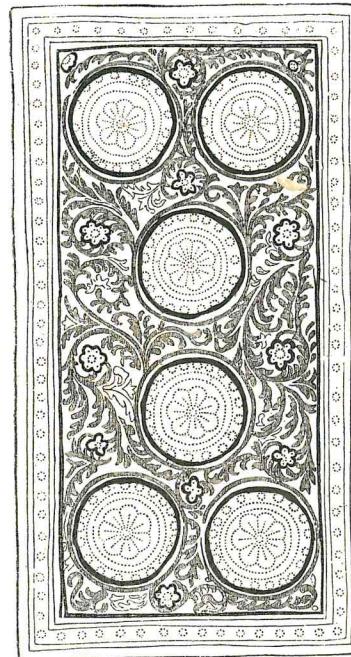
фабрикантъ совершенно разорился и отправился къ святому, жаловаться на него самого. «Отче, сказалъ онъ: — я приготовлялъ и продавалъ карты и жилъ только этимъ. Теперь ты заставляешь меня умирать съ голоду.» — «Если ты умрешь только рисовать, отвѣчалъ Бернардинъ: — рисуй этотъ образъ!» И онъ указалъ ему на монограмму

Иисуса Христа въ серебряномъ ореолѣ. Карточный фабрикантъ послушалъ его со-вѣта и обогатился, рисуя монограмму, которую Бернардинъ взялъ своимъ девизомъ. Но проповѣди святаго не надолго прекратили карточную игру. Отъ той эпохи сохранилась въ Болоньѣ фреска 1440 года, изображающая четырехъ солдатъ, играющихъ въ карты, и другой святой, Антоній, епископъ флорентійскій, предалъ анаемъ всѣхъ производителей и продавцовъ «aleagrum, chartarum et naiborum». Разница, которую святой видѣтъ между картами и нацбами, заставляетъ предполагать, что это совершенно разнородныя игры, что и было въ дѣйствительности, такъ какъ арабскія карты состояли только изъ цифръ и не могли имѣть фигуръ, какъ итальянскія.

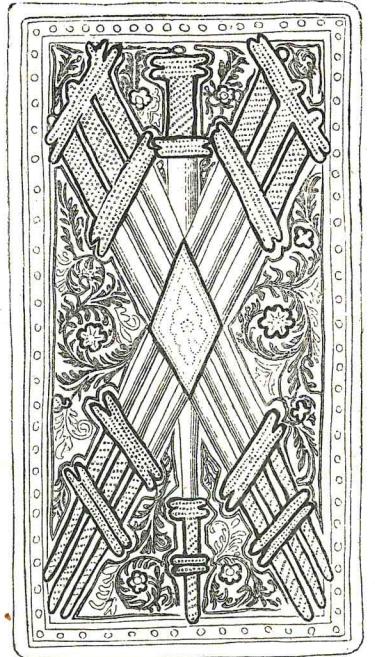
Съ изобрѣтеніемъ рѣзьбы на деревѣ карты стали приготавляться еще въ большемъ количествѣ. Нѣмцы, приписывающіе себѣ начало этого изобрѣтенія, — хотя Вазари говорить положительно, что его открылъ случайно Мазо Финигуэрра, — первые начали выдѣлывать карты ксилографическимъ способомъ. Работники, составлявшіе особый цехъ, носившіе название *Formschneider*, вырѣзывали деревяшки для картъ, другая корпорація — *Briefmahlern* только раскрашивали отиски этихъ политипажей на бумагѣ (карты по-нѣмецки назывались первоначально *Briefe*). Для раскрашиванія употреблялись трафареты или прорѣзныя фигуры, которыя накладывались на отиски картъ, и по нимъ наводили ту краску, которая должна быть на картѣ. Сколько красокъ было въ фигурѣ, столько требовалось и прорѣзовъ. Въ величину картъ и точно такимъ-же способомъ изготавливались изображенія святыхъ и картинки изъ священной исторіи (3 дюйма въ высину и $2\frac{1}{2}$ въ ширину). Политипажные карты нѣмецкой и голландской выдѣлки до того наводнили Италію, что карточные фабриканты въ Венеціи подали въ 1441 году сенату республики просьбу, въ которой жаловались, что этотъ родъ производства совсѣмъ упалъ въ Венеціи, потому что въ нее привозятъ множество рисованныхъ и печатныхъ картъ изъ другихъ странъ.

Чтобы помочь туземнымъ фабрикантамъ, просили запретить привозъ всякихъ иностранныхъ рисунковъ отъ руки и печатныхъ на холстѣ и бумагѣ, подъ угрозою конфискаціи и уплаты тридцати съ половиною ливровъ пени. Неизвѣстно, удовлетворилъ ли венеціанскій сенатъ эту просьбу; но только ни печатныхъ, ни рисованныхъ итальянскихъ картъ этой эпохи мы не имѣемъ. Древнѣйшія итальянскія карты гравированы на мѣди въ Падуѣ, Венеціи или Флоренціи въ 1485 году; ихъ приписываютъ рѣзцу извѣстныхъ граверовъ — Мантены или Финигуэрры; во всякомъ случаѣ манера знаменитыхъ артистовъ замѣтна въ этихъ картахъ. Ихъ всѣхъ 50, перенумерованныхъ римскими цифрами; величиною онѣ 9 дюймовъ въ длину и $3\frac{1}{2}$ въ ширину (китайскія карты не превышаютъ $3\frac{1}{2}$ дюймовъ въ длину и $\frac{3}{5}$ дюйма въ ширину). На каждой картѣ изображена фигура очень тонкаго и красиваго рисунка, прекрасно гравированная; отпечатаны онѣ отчетливо, только нѣсколько блѣдно. Въ игрѣ пять серій, каждая въ десять картъ и отмѣчена одной изъ первыхъ буквъ алфавита: A, B, C, D, E, въ обратномъ порядке. Въ серіи E изображены различныя состоянія, въ D — Аполлонъ съ музами, въ C — науки, въ B — добродѣтели и астрономическія данныя, въ A — Птоломеева система. Подписи подъ фигурами на венеціанскомъ дialectѣ, нѣкоторыя съ орографическими ошибками. Серія E начинается съ бѣдняка и, изображая ремесленника, купца, дворянина, военного, оканчивается дожемъ, королемъ и папою. Изъ наукъ, въ серіи C, представлены грамматика, логика, риторика, геометрія, ариѳметика, музыка, поэзія, философія и теология. Въ серіи B, кроме семи добродѣтелей: воздержаніе, благородство, твердость, правосудіе, милосердіе, надежда, вѣра, изображены три астрономическія момента: *Piaso* (отъ *йлос*), восхожденіе свѣтила, представленное красивымъ юношемъ въ короткой одеждѣ, держащимъ въ протянутой правой руки солнце; *Chronico* (вмѣсто *achronicco*) — восхожденіе звѣзды при закатѣ солнца и захожденіе ея при его восходѣ, изображенное аллегорическою фигурою, держащею въ рукахъ дра-

кона, кусающаго свой хвостъ; третье положеніе — *Cosmico* олицетворяется фигурою, держащею въ рукахъ шаръ, нижняя половина которого изображаетъ землю, верхняя — звѣздное небо, то есть главные элементы космоса. Послѣдняя серія — А представляетъ семь планетъ Птоломеевої системы: Луну, правящую парой коней, съ серпомъ въ рукахъ, Аполлона въ крылатомъ шлемѣ и сапогахъ, съ головою Аргуса и пѣтухомъ, Венеру съ раковиною, Солнце съ Фаэтономъ, кусающимъ свой хвостъ; четвѣртое положеніе — *Primo mobile*, означающая по системѣ Птоломея силу, приводящую въ движение всѣ десять небесныхъ сферъ, отъ востока къ западу, вокругъ неподвижной земли. Это «первое движение» представлено въ видѣ ангела, обличающаго съ большими усилиями пустой шаръ отъ востока къ западу. Усилия эти прекрасно переданы рисункомъ, напоминающимъ стиль Мантены. Послѣдняя, 50-ая карта представ-

ШЕСТЕРКА МОНЕТЪ ТАРОКОВОЙ КОЛОДЫ 1413—1418 г.

СЕМЕРКА МЕЧЕЙ ТАРОКОВОЙ КОЛОДЫ 1413—1418 г.

номъ и зодіакальнымъ знакомъ Рака, Марса на военной колеснице, Юпитера сидящаго съ орломъ и знакомъ Дѣвы и убityми воинами по сторонамъ, Сатурна съ дракономъ, кусающимъ свой хвостъ, и четырьмя дѣтьми, представляющими четыре времена года. За ними слѣдуетъ восьмая сфера по системѣ Птоломея — небо съ неподвижными звѣздами; его держитъ въ видѣ шара крылатый ангелъ. Слѣдующія двѣ сферы, изображающія у Птоломея прецессію и равноденствіе, на картахъ не представлены, вѣроятно по причинѣ трудности олицетворить ихъ аллегорически; поэтому за восьмою сферою слѣдуетъ прямо один-

звѣздной сферѣ. Теология изображена съ головою Януса: одна половина лица молода, безбородая, другая — старая, съ большой бородой; онъ олицетворяютъ вѣтхій и новый завѣтъ. Какого рода комбинаціи могли существовать при игрѣ въ такія карты — совершенно непонятно.

Рафаэль Маффеи, прозванный Вольтерранскимъ по мѣсту своего рожденія въ тосканскомъ городѣ Вольтеррѣ, описываетъ въ своей энциклопедіи, касающейся всѣхъ сторонъ общественной жизни XV вѣка: «Commentarii егитum italagum», другія тарковыя карты, бывшія въ ходу въ 1480 году; въ нихъ было также четыре масти: монеты, чаши, мечи и кадуци или жезлы (послѣдніе замѣнили палки болѣе ранней эпохи); въ каждой масти было десять нумерованныхъ картъ, и кромѣ того 84 карты съ фигурами, изображавшими: короля, королеву, всадника, пѣшехода, міръ, правосудіе, ангела, солнце, луну, звѣзду, огонь, дьявола, смерть, висѣльника, старика, колесо фортуны, башню, любовь, колесницу, воздержаніе, папу, папессу, императора, императрицу, нищаго и шута. Чиконіара упоминаетъ о подобной же колодѣ картъ, находившейся у графини Аверели Висконти Гонзаго. Этотъ антикварій и министръ Цизальпинской республики утверждаетъ, что колода эта та самая, за которую Филиппъ - Марія Висконти заплатилъ полторы тысячи червонцевъ. Но этими картами герцогъ не могъ играть въ своемъ дѣствѣ, потому что на картѣ, изображающей любовь, нарисованъ онъ самъ со своею женой, подъ балдахиномъ и съ ихъ гербами. Это удостовѣряетъ только, что карты выдѣланы около 1413 года, когда онъ женился на вдовѣ Фачино Кане, Беатриче ди Тенда, и не позже 1418 года, когда онъ казнилъ свою жену. Въ этой колодѣ пять картъ: король, королева, папесса замѣнены — не по цензурнымъ-ли причинамъ? — четырьмя маврами, а висѣльникъ — измѣнникомъ. Мы представляемъ одну изъ фигурныхъ картъ этой колоды — шута и двѣ карты тарковой колоды: шестерку монетъ и семерку мечей. Масти монетъ и чашъ были разрисованы золотомъ, жезлы и мечи красной и голу-

бой краской, но ободки, рукоятки мечей и мѣста, гдѣ они скрещиваются, также на-ведены золотомъ. Фонъ этихъ послѣднихъ картъ составляетъ орнаментъ въ формѣ арабески красного и синяго двѣта съ золотыми цвѣточками. На каждой картѣ орнаментъ этотъ различный и рисованъ отъ руки; золото и серебро наложено на красный грунтъ. Темные штрихи означаютъ на рисунѣ голубую краску. Колода эта, вся рисованная кистью и чрезвычайно тонкой отѣлки, должна была стоить не дешево. Кромѣ тарока въ Италии были еще карточные игры — траппola (ловушка) и въ Неаполѣ — минкіате; въ послѣдней чи-сло картъ доходило до 97-ми. Писатели того времени очень хвалили эту игру, называя ее разнообразно, занимательно, требующею большой смѣтливости и разсчетливости. Еще въ прошломъ столѣтии она была въ ходу во Флоренціи и Римѣ.

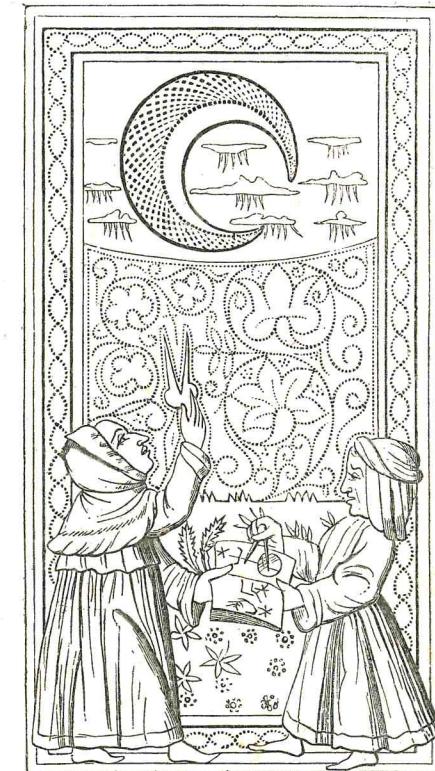
Въ Испаніи выдѣлка картъ, явившихся тамъ вѣроятно даже раньше чѣмъ въ Италии, не достигала никогда такого художественного исполненія, какъ въ этой послѣдней странѣ. Зато испанцы изобрѣли свою національную игру — hombre, явившуюся, въ измѣненномъ видѣ, во Франціи и у насъ давшую, при Екатеринѣ, название не только игрѣ въ ломберъ, но и самимъ столамъ, на которыхъ ее играли. Картъ въ «гомбрѣ» 48, масти тѣ-же, что въ Италии (коры, espadas, bastos, dineros), въ каждой по три фигуры: король, рыцарь и валетъ въ 12, 11 и 10 очковъ, остальные карты — отъ девятки до туза. Костюмъ фигуръ напоминаетъ древнюю Испанію; цвѣта мастей — красный, желтый, свѣтлосиній и зеленый. Въ масти чашъ — послѣднія имѣютъ видъ то кубка на ножкѣ, то вазы съ крышкой. Такъ какъ испанцы въ игрѣ держали карты не вѣромъ, какъ другіе народы, а складывая ихъ одну подъ другую, но такъ, чтобы сверху можно было видѣть края всѣхъ слѣдующихъ картъ, то рамка каждой масти была различная: въ монетахъ сплошная, въ чашахъ съ промежуткомъ въ верхнемъ и нижнемъ ободкѣ, въ мечахъ съ двумя промежутками на ободкахъ, въ жезлахъ — съ тремя. Кромѣ того, въ Испаніи

приготавлялись карты не раскрашенныя, но печатныя четырьмя красками по мастиамъ: въ монетахъ желтою, въ чашахъ красною, въ мечахъ синею, въ жезлахъ коричневою. Испанцы предались страсти къ игрѣ не меньше, чѣмъ итальянцы. Когда спутники Христофора Колумба устроили первое европейское поселеніе на островѣ Сан-Домінго, они, прежде всего, занялись фабрикаціей картъ изъ пальмовыхъ листьевъ

андреевскимъ крестомъ, изображенъ моло-дой человѣкъ съ скрещенными ногами.

III

Карты Франціи.—Колода Карла VI.—Карты Карла VII—«Балетъ пылающихъ».—Французскія масти и фигуры.—Преслѣдованія и аутодафе картъ.—Коронованные игро-ки.—Корпорація карточныхъ фабрикантовъ.—Изобрѣте-ние пикета.—Девизы и историческія фигуры.—Країтъ и шулера.—Карты временъ Людовика XII, Генриха II, III и IV.

КАРТА-ЛУНА ИЗЪ КОЛОДЫ КАРЛА VI

КАРТА-ПРАВОСУДІЕ ИЗЪ КОЛОДЫ КАРЛА VI

и первые научили дикарей новаго свѣта карточной игрѣ, изобрѣтеннѣй цивилизаціей. Въ благодарность за это, Америка отравила старый свѣтъ — одуряющимъ ку-ревомъ, да еще, можетъ быть, одною изъ самыхъ ужасныхъ болѣзней, позорящихъ человѣчество. Португальскія карты меньше испанскихъ, въ ихъ колодѣ есть десятки, и потому онъ состоять изъ 52 картъ; масти въ нихъ тѣ-же (коры, ouros, paos, espadas); фигуры состоять изъ короля, дамы и ры-царя; тузы поддерживаются крылатыми змѣями; на двойкѣ жезловъ, положенныхъ

въ національной парижской библіотекѣ, въ кабинетѣ эстамповъ сохранились первыя французскія карты, принадлежащиа, по мнѣнію изслѣдователей, къ той колодѣ, за которую Пупаръ уплатилъ 50 париж-скихъ су. Ихъ называютъ поэтому картами Карла VI. Ихъ всего семнадцать. На нихъ изображены фигуры, которые описываетъ Маффеи Вольтерранскій: оруженосецъ, правосудіе, солнце, луна, смерть, висѣльница, воздержаніе, папа, императоръ, шутъ, вѣра (или королева) и страшный

судъ. Весьма сомнительно, чтобы это были карты Карла VI. Правда, на нихъ костюмъ того времени, но это доказываетъ только, что онъ сдѣланы не раньше восемнадцатыхъ годовъ XIV вѣка; на нихъ нѣть ни королевскаго герба или девиза, никакихъ отличительныхъ знаковъ; наконецъ, такія фигуры, какъ висѣлица, смерть, страшный судъ, вовсе не могли забавлять помѣшавшагося короля. Отдѣлка ихъ, впрочемъ, очень тщательная, раскрашены онъ, какъ миниатюры рукописей, по золотому фону съ посеребреннымъ бордюромъ, на которомъ точками выведена лента, закрученная спиралью, какъ-будто составленная изъ маленькихъ гофрированныхъ дырочекъ, носящихъ на романскихъ языкахъ название таро и давшихъ название игры въ тарокъ. Карты эти принадлежали сначала частному лицу, Генъеру, и аббатъ Лонгрю пишетъ, что видѣлъ въ его библиотекѣ цѣлую колоду, въ которой были фигуры четырехъ монархій. Карты 18 сантиметровъ вышины, 9 ширины, писаны kleевыми красками по картону въ миллиметръ толщины. Композиція ихъ остроумна, рисунокъ правильный и характеристичный, краски яркія, оттѣненные золотомъ и серебромъ. Оруженосецъ изображенъ съ волосами, подобранными на затылкѣ, въ камзолѣ, подбитомъ ватой, съ широкими рукавами изъ шитой золотомъ матеріи, въ красныхъ шерстяныхъ брюкахъ въ-натяжку; одною рукою онъ опирается на щитъ безъ герба, въ другой обнаженный мечъ. Императоръ, въ серебряномъ панцирѣ съ діадемою на головѣ, украшенною ліліями, сидѣтъ на тронѣ, держа въ одной рукоѣ державу, въ другой скіпетръ, оканчивающійся цвѣткомъ ліліи, въ формѣ копья. Папа съ тіарою на головѣ, съ евангелемъ и ключами св. Петра, сидѣтъ между двумя кардиналами. Любовь изображена тремя цѣлующимися парами, въ которыхъ два амура бросаютъ стрѣлы изъ облаковъ. Плате и головные уборы мужчинъ и женшинъ—образцы модныхъ нарядовъ, введенныхъ Изабеллою Баварской. Воздержаніе льетъ воду въ бутылку вина. Солнце освѣщаетъ дѣвушку, прядущую на лугу; луна блеститъ серпомъ надъ двумя астрологами въ длин-

ныхъ платьяхъ, подбитыхъ мѣхомъ, измѣряющими діркулемъ соединеніе планетъ. На висѣлицѣ повѣшенъ за ногу игрокъ съ мѣшкомъ денегъ въ рукахъ. Смерть, на сѣромъ конѣ съ поднятой шерстью, косить королемъ, папъ, епископовъ, какъ въ «Макабрской плясѣ». Въ страшномъ судѣ мертвые поднимаются изъ гробовъ на призывъ Предѣчнаго. Мы представляемъ двѣ фигуры этихъ картъ—Правосудіе и Луна.

Смерть, висѣлица, дьяволъ, страшный судъ и другія мрачныя фигуры этихъ картъ не могли нравиться беспечному, распущеному двору Карла VI и VII, но отвѣчали настроенію средняго класса, страдавшаго отъ тяжелаго гнета феодальнаго дворянства. Недаромъ французскіе горожане и крестьяне такъ пристрастились къ сценамъ «Макабрской пляски», появившейся впрочемъ еще раньше въ Германіи, и стали вездѣ изображать этотъ танецъ смерти, безъ различія косившей королей и вельможъ наряду съ бѣдняками. Сцены этого танца, воспроизведимыя живописью, скульптурою, явившіяся на стѣнахъ домовъ, на коврахъ и обояхъ, нашли мѣсто и въ картахъ. На деревянный переплетъ одной рукописи временъ Карла VII была употреблена доска, съ которой печатались карты, рѣзко отличающіяся отъ итальянскихъ образцовъ, введенныхъ во Франціи въ предшествовавшее царствованіе. На этой случайно отыскавшейся доскѣ вырѣзано 18 картъ, шесть хорошо сохранившихъся фигуръ и 12 стертыхъ и попорченныхъ. Но масти этихъ фигуръ уже другія: сердца, серпы луны, пики и трилистники. Король сердечной масти представленъ въ видѣ дикаря, покрытаго шерстью какъ обезьяна, съ суковатой палкой; королева также въ шерсти и съ факеломъ въ рукѣ; валетъ масти трилистника также мохнатый, съ дубиной на плечахъ. Дама серповидной луны одѣта какъ Марія Анжуйская, жена Карла VII, и Жерарда Касинель, его фаворитка: на головѣ подъ діадемой—цвѣтной платокъ, падающій сзади на плечи; нижнее платье, зашнурованное нагруди, доходитъ до пятъ, тогда какъ верхнее съ открытымъ корсажемъ, оторчен-

нымъ мѣхомъ, приподнято до колѣнъ, а сзади падаетъ шлейфомъ; волосы распущены, рукава въ-обтяжку, поясъ ювелирной работы. Три остальныхъ короля—въ бархатныхъ шляпахъ, украшенныхъ короною съ ліліями, въ платьѣ открытомъ на груди и подбитомъ горностаемъ, въ узкомъ камзолѣ и штанахъ въ-обтяжку; валеты—въ родѣ пажей того времени, безъ всякихъ гербовъ, вышивокъ и украшеній, запрещенныхъ королевскими указами. Отъ этихъ общепринятыхъ нарядовъ отличаются только лохматыя фигуры сердечной масти, и въ нихъ французскіе историки видятъ воспоминаніе о страшномъ событии царствованія Карла VI, названномъ «балетомъ пылающихъ» (ballet des ardents). 29 января 1392 года въ парижскомъ дворцѣ королевы Бланки былъ большой балъ и праздникъ по случаю женитьбы кавалера Вермандуа на одной изъ фрейлинъ. Карль VI только-что выздоровѣлъ отъ припадковъ сумашествія. Одинъ изъ его фаворитовъ, Гюгоненъ де Жанзѣ изобрѣлъ дивертисментъ, въ которомъ долженъ былъ участвовать король съ пятью придворными. Они придумали одѣться дикими, въ платье изъ осмоленной пакли и пеньки. Историкъ Фруассаръ, бывшій очевидцемъ этой сцены, разсказываетъ, какъ эти шесть замаскированныхъ человѣкъ съ воемъ и гремя цвѣпами вѣжали въ залу, гдѣ танцевали придворные. Никто не зналъ, что это за люди. Братья короля, герцогъ Орлеанскій, чтобы разсмотрѣть ихъ ближе, взялъ свѣтильникъ и поднесъ къ одному изъ прыгавшихъ дикарей. Вдругъ на немъ вспыхнула просмоленная пенька, и такъ какъ они стояли все вмѣстѣ, то загорѣлись и остальные. Одинъ изъ нихъ закричалъ: «спасите короля!» и

указалъ на несчастнаго Карла, на которомъ также горѣлъ костюмъ. Всѣ бросились къ нему и огонь на немъ удалось затушить, но остальные погибли въ страшныхъ мученіяхъ, кромѣ одного, успѣвшаго броситься въ чанъ съ водой. Эта ужасная сцена такъ подействовала на короля, что онъ снова потерялъ разсудокъ, уже больше къ нему не возвращавшійся. Событие это произвело такое сильное впечатлѣніе, что и черезъ семьдесятъ лѣтъ его изображали въ гравюрахъ. Мудренѣли, что объ немъ хотѣли напомнить и въ картахъ. Королева сердечной масти была представлена съ факеломъ можетъ-быть потому, что народная молва приписывала идею этого пагубного переодѣванія королевѣ Изабеллѣ Баварской, знавшѣй, что король будетъ въ числѣ наряженныхъ, и побудившѣ своего любовника, герцога Орлеанскаго, поджечь несчастныхъ. Такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ это совпаденіе талантливый библиофиль и антикварій Поль Лакруа, авторъ замѣчательнаго изслѣданія объ игральныхъ картахъ, умершій въ концѣ октября 1884 г.

Уже съ начала XV вѣка устанавливаются прямо во французскихъ картахъ четыре масти, перешедшія и къ другимъ народамъ: черви, бубны, трефы и пики (coeur, carreau, trefle, rique). Трудно разобрать, гдѣ явились прежде первоначальная формы этихъ мастей: сердца, бубенчики, жолудя и листа плюща—въ Германіи или во Франції, но несомнѣнно, что формы эти являются во многихъ готическихъ орнаментахъ, не исключая церквей. Первые карты съ нынѣшними мастями были въ то-же время съ девизами, а фигурамъ придавали аллегорическое значеніе, или ихъ называли извѣстными именами. Такъ, въ сохранившейся

ФРАНЦУЗСКАЯ КАРТА XV СТОЛѢТИЯ

колодъ временъ Карла VII, пиковый король называется Аполлинъ, бубновый—Курсубъ, трефовый—Sans-souci, трефовый валетъ—Роландъ, трефовая королева носить эпитетъ обмана (*tromperie*), бубновая королева девизъ *en toy tefie* (въ тебя вѣрю), пиковая—*leauté doit* (честность обязываеть), червонная—*la foi est perdu* (вѣра потеряна); пиковый валетъ—*ne tarde* (не опаздывай). Названія Аполлина, Курсуба, Sans-souci указываютъ на арабское происхожденіе картъ: въ старыхъ романахъ и эпопеѣ о двѣнадцати пѣрахъ Карла Великаго часто упоминается Аполлинъ—идоль, которымъ клянутся сарацины; тамъ же говорится объ арабскомъ рыцарѣ изъ Кордовы (*Corsuba*) не разъ побѣждавшемъ христіанъ. Название Sans-souci, безъ заботы, арабы даютъ игрѣ въ шахматы. Знаменитый противникъ сарацинъ Роландъ введенъ въ игру въ противоположность арабскому элементу. Короли этой колоды всѣ въ длинныхъ восточныхъ костюмахъ, королевы съ розами, гвоздикою или гранатовымъ цвѣткомъ въ рукахъ. Но въ то-же время, въ костюмахъ фигуръ господствуютъ геральдическая эмблемы XV вѣка, различные цвета въ частяхъ одного и того-же костюма—какъ этого требовали обычай рыцарства въ эпоху, когда Карлъ VII, удалившися въ крѣпкій городъ Буржъ, со своими фаворитами и фаворитками, весело телять, одну за другую, провинціи своего королевства, наполовину завоеванного англичанами. Въ томъ-же Буржъ, какъ говорить преданіе, храбрый сподвижникъ короля, Лагиръ, изобрѣлъ для забавы своего государя игру въ пикетъ, безспорно французского происхожденія. Другие приписываютъ изобрѣтеніе этой игры, какъ и вообще улучшеніе французскихъ картъ, Этьену Шевалье, королевскому секретарю и казначею. На первыхъ картахъ часто встрѣчаются гербы—улитка, и можно допустить съ полною вѣроятностью, что онт замѣнилъ дамами—рыцарей итальянскихъ картъ и ввелъ на нихъ эмблемы и девизы, которые были въ такой модѣ при дворѣ поклонника Агнесы Сорель, по которой вздыхалъ, конечно—очень почтительно, и самъ Шевалье.

Нѣкоторые комментаторы видѣли въ че-

тырехъ мастиахъ французскихъ картъ изображеніе четырехъ предметовъ, безъ которыхъ немыслимъ ни одинъ рыцарь: трефы—эмблема меча, пики—копья, бубны—знако- мени или герба и черви—щита.

И во Франціи первыя попытки рѣзыбы на деревѣ были посвящены картамъ и содѣйствовали ихъ распространенію. Если за карты Карла VI было заплачено 50 парижскихъ су, то есть 180 франковъ на нынѣшняя деньги, за колоду герцога миланскаго 1500 золотыхъ экю, то есть 15,000 франковъ, то карты, изготовленныя для дофина Франціи въ 1454 году, стоили только 15 франковъ. Еще въ 1404 году лангрскій синодъ запретилъ духовенству играть въ карты; въ 1429 году, вслѣдствіе проповѣдей францисканскаго монаха Ришара, на парижскихъ улицахъ сжигали на кострахъ карты, кости, шашки и другія запрещенные игры. «Исторія маленькаго Жана де-Сен-Тре», написанная въ 1459 году, называется пажей короля разгульными игроками въ карты. Въ мистеріи «Страсти Господни» палачи Иисуса Христа представленаы играющими въ карты и кости. Поэтъ Виллонъ въ своемъ завѣщаніи 1461 года упоминаетъ о томъ, что оставляетъ «un beau joly jeu de quarte». До конца XVI вѣка синоды и муниципалитеты постоянно и строго запрещаютъ игру въ карты. Запрещеніе это, конечно, не распространялось на сильныхъ мѣра. Герцогъ Орлеанскій, братъ Карла VI, проигрывалъ огромныя суммы въ «глікъ». Людовикъ XII игралъ въ «флюксъ» въ присутствіи дворцовой стражи. При дворѣ Маргариты Наварской, сестры Франциска V, модною игрою была «кондемнадъ», втроемъ. Рабле, говоря о воспитаніи, какое давали въ его время королевскимъ дѣтямъ, заставляетъ своего Пантагрюэля перечислить 200 разнаго рода игръ, которыми учили дѣтей. Въ числѣ этихъ игръ до двадцати карточныхъ, совершенно неизвѣстныхъ. Парижскій синодъ 1512-го и орлеанскій 1525 года, «согласно со святыми канонами», запрещаютъ духовнымъ лицамъ не только играть, но даже смотрѣть какъ играютъ другіе. Постановленіемъ парижскаго парламента 1541 года всѣ допустившие игру въ своемъ домѣ подвергаются

тѣлесному наказанію, а играющіе — значительной пенѣ. Синоды въ Ліонѣ, Бордо, Буржѣ, Эксѣ, Орлеанѣ, Авиньонѣ сыплють угрозами и наказаніями противъ всякихъ азартныхъ игръ.

Указъ Карла IX-го, 1577 года, запрещаетъ даже въ кабакахъ играть въ карты и кости. Понятно, что при такихъ условіяхъ ремесло выдѣлки картъ было только терпимо; фабриканты ихъ причислялись къ цеху бумагодѣлателей и рисовальщиковъ. Только въ 1581 году образовалась корпорація карточныхъ фабрикантовъ, имѣвшая нѣсколько отраслей (*maitres cartiers, papetiers, feseurs de cartes, tarots, feuillets et cartons*) и существовавшая до 1789 г. Они были обязаны имѣть лавки, открытые на улицу, имѣ предписывалось выдѣлывать карты изъ извѣстнаго сорта картона, употреблять извѣстную краску (индиго и киноварь); фабриканты должны были выставлять имена, гербы и девизы на трефовомъ валетѣ каждой колоды, подъ опасенiemъ конфискаціи и десяти ливровъ пени. А такъ какъ на старыхъ картахъ этотъ валетъ носилъ название Лагира, то фабриканты картъ приписывали ихъ изобрѣтеніе этому храброму рыцарю. Надъ этими названіями почти всѣ писавшіе во Франціи о картахъ ломали голову, придумывая причины, почему въ колодѣ короли назывались: Карлъ, Цезарь, Да-

ФРАНЦУЗСКАЯ КАРТА XVI СТОЛѢТИЯ

видъ, Александръ, королевы: Юдиоъ, Рахиль, Паллада, Аргина, валеты: Лагиръ, Гекторъ, Ожье, Лансело? По мнѣнію патера Менетріе, короли представляли четыре монархіи: французскую, римскую, еврейскую и македонскую, королевы—четыре способа царствовать: благочестіемъ, красотою, мудростью и породою, валеты представляли четырехъ храбрѣшихъ дѣятелей древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ. Патерь Даніель, относя карты къ эпохѣ Карла VI, видѣтъ этого короля въ Давидѣ, въ Аргинѣ (анаграмма *Regina*)—Марію Аяжуйскую, въ Юдио—Изабеллу Баварскую, въ Рахили—Агнесу Сорель, въ Палладѣ—Жанну Д'Аркъ. Бюлле видѣтъ въ пикахъ и трефахъ—оружіе для нападенія, въ червяхъ и бубнахъ—оружіе для защиты. Эти комментаторы упустили изъ виду только одно обстоятельство, что фигуры колоды съ теченіемъ времени мѣняли свои названія. На первыхъ картахъ, выдѣланныхъ Жеганомъ Вале, находимъ только его имя на двухъ валетахъ. На нихъ нѣть еще дамъ, а ихъ мѣсто занимаютъ рыцари въ полномъ вооруженіи; трефовый валетъ—нegrъ съ курчавыми волосами, напоминающей арабскіе наибы. На картахъ Гуарана эпохи Людовика XII—валеты также безъ подписи; на двухъ изъ нихъ—фамилія фабриканта, его девизъ и монограмма; король трефовый называется Артуромъ, червонная дама—Еленою, пиковая—Вирсавіею. На картахъ послѣдующей эпохи фабрикантовъ Астье и Эмо опять нѣть никакихъ названій подъ фигурами, только тузы изображены на знаменахъ. Изъ временъ Франциска I сохранились только шесть картъ работы Лекорню, и на одной изъ нихъ—валетъ трефъ только

ЧЕРВОННАЯ КОРОЛЕВА СЪ ИЗОБРАЖЕНИЕМЪ РОКСАНЫ (ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ГЕНРИХА VI)

имя фабриканта. На картахъ Дюбуа, современныхъ сраженю при Павіи, изъ четырехъ валетовъ—на пикомъ, похожемъ на Карла V, имя фабриканта, остальные носятъ странныя имена, вѣроятно тогдашнихъ военныхъ знаменитостей: Принц Романъ, капитанъ Фили, капитанъ Валланъ; между дамами являются Лукреция и Пентезилея. Представляемъ двѣ карты XV и XVI вѣка.

При Генрихѣ II вошли опять въ моду итальянскія карты; выдѣлывали ихъ также итальянцы. Джованни Паники изготовилъ для Катерины Медичи колоду на толстой тисненой шелковой матеріи. Оборотная сторона картъ этой эпохи — крапленая мелкимъ пунктирнымъ рисункомъ, чтобы на ней шулера не могли дѣлать своихъ знаковъ. Карты Боргиджіани—безъ всякихъ подписей подъ фигурами. Съ Генриха III мѣняются костюмы карточныхъ фигуръ: короли являются съ остроконечной бородкой, въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ, въ войлочной шляпѣ съ перомъ, въ штанахъ съ буффами, въ разрѣзномъ камзолѣ, съ маленькой мантильей на плечахъ; дамы—съ высоко-зачесанными и взбитыми волосами, въ кружевной колереткѣ, въ платьѣ на широкихъ обручахъ (*vertugard*)—прототипъ фижмъ и кринолиновъ; валеты—

въ наглухо застегнутыхъ камзолахъ съ галунами, въ широкихъ штанахъ, въ ливреѣ двухъ цвѣтовъ; называются они: валетъ дворянства (пиковый), валетъ пѣши (трефовый), валетъ охотничій (бубновый) и валетъ придворный (червонный); дамы носятъ названія: Пентезилея (пики), Клотильда (трефъ), Диана (бубны), Елизавета (черви); короли — Константинъ (пики), Хлодвигъ (трефы), Августъ (бубны) и Соломонъ (черви). При Генрихѣ IV—новая перемѣна костюмовъ, и на нихъ червонный король не носить никакого имени — это очень схожій портретъ Генриха IV; остальные короли представляются: Кира, Юлія Цезаря, Нина; королевы: Роксана, Семирамида, Помпея и Пентезилея. Трефовый валетъ, съ именемъ фабриканта Пассерана, держитъ щитъ съ гербомъ Австріи; французскій гербъ — въ нижнемъ правомъ углу; валетъ носить название Гектора; пиковый — Рено. Съ каждой перемѣнной царствованія мѣнялись имена и костюмы карточныхъ фітуръ. Иностранные фабриканты искали эти имена или замѣняли ихъ другими. Такъ на картахъ Питера Меферди являются: пиковая дама Барбара, трефовая Пентамея, валеты Сапринь Романъ, капитанъ Мелю.

(Окончаніе будетъ)

В. ЗОТОВЪ

МОНАСТЫРЬ СВ. ООМЫ

СТИХОТВОРЕНИЕ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Монастырь въ ущельяхъ «Чекка»
Точно всползъ на груду скалъ.
Разъ надъ нимъ тому съ полъ-вѣка
Чортъ случайно пролеталъ.

Въ бѣдномъ храмѣ въ эту пору
Шла вечерня. Струсила, бѣсь,
Осквернила святую гору
Адскимъ жупеломъ съ небесъ.

Въ виноградникѣ эта манна
Вся попала цѣликомъ,
И обитель, какъ ни странно,
Вдругъ прославилась виномъ.

Выпей только—въ мысляхъ пляски,
Пламя въ жилахъ, звонъ въ ушахъ
Отъ какой-нибудь фіаски *)
Точно гири на ногахъ.

Пить его съ молитвой надо!—
Въ немъ соблазнъ, да вѣдь какой:
Такъ и блещутъ искры ада
Въ каждой каплѣ золотой.

Тутъ же свалишься, какъ камень,
Въ забытии грѣховныхъ сновъ...
Вспыхнетъ въ сердцѣ адскій пламень,—
Смотришь—вѣдьма... и готовъ!...

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

*) Фіаска — пузатая бутылка съ тонкимъ горлышкомъ, оплетенная соломой. Въ такихъ бутылкахъ обыкновенно, хранятъ вина въ Италии.